

Ханс Кристоф. «Пара», 1924 год

Вильгельма Гурлитта — за развитие классической археологии. Педагога Людвига Гурлитта — за понятие «естественного воспитания» и за множество других антиавторитарных идей (к сожалению, в 30-е годы значительная их часть оказалась прекрасно совместима с принципами гитлерюгенда). Галериста Фрица Гурлитта — за первую в Германии выставку импрессионистов. Искусствоведа Корнелиуса Гурлитта — за первые фундаментальные труды о барокко на немецком языке и за создание основ систематической охраны памятников архитектуры и истории.

Все они жили долго и почтенно. Старались по возможности проводить жизнь на одном месте. Переезжали тем не менее — неохотно, — если требовало дело или ждала новая должность. Охотно участвовали в комиссиях и комитетах, вообще же просто очень много работали, каждый за время жизни успевал сменить несколько родственных занятий, все время чему-то учились и в каждом деле стремились создать нечто фундаментальное. Вот как Корнелиус, по образованию архитектор, со своими исследованиями барокко: искусствоведы их до сих пор изучают. Гуманитарное знание, образование для всех Гурлиттов представляло абсолютную, неоспоримую ценность и цель. Но при этом гуманитарии из них получались какие-то основательные, ремесленные, дедовская золотая пряжа так и просвечивает. Все жили в сравнительном достатке — но не в богатстве. Был именно достаток служащих людей, занимающих высокие посты с хорошим жалованьем. Единственным исключением был, кажется, галерист Фриц, у него было дело самое легкомысленное — да и не дожил он даже до 40 лет, скончался в 1893-м, оставив галерею, художественное издательство и пятилетнего сына Вольфганга.

И вот вся эта довольно размеренная, такая разветвленная по континенту и такая устоявшаяся жизнь, в которой люди развивали археологию, охраняли памятники, изучали барокко, пропагандировали импрессионистов, сохраняли любовь и почтение к отцовским романтическим пейзажам, — без особых потерь перешла в XX век и дожила до начала 30-х годов. И им самим даже казалось, что XX век их не уничтожит, что такие вот основательные, образованные, благонадежные, общественно значимые, патриотичные, многодетные Гурлитты непобедимы.

Я перестаю лазать по генеалогическим зарослям, здесь уже можно остаться с главными действующими лицами истории, то есть с четвертым поколением. У Корнелиуса Гурлитта было два сына: Манфред, композитор и дирижер, и искусствовед Хильдебранд. У рано умершего галериста Фрица остался сын Вольфганг, тоже галерист. В 30-е годы ситуация всех троих постепенно стала двусмысленной. При всей своей бюргерской и классической основатель-

ности Гурлитты высоко ценили современность и верили в прогресс, в том числе и в искусстве. Так что на рубеже 30-х годов Манфред Гурлитт сочинял современную музыку, а кузены Хильдебранд и Вольфганг торговали современной живописью. И то и другое в один прекрасный год было объявлено занятием выродков. Кроме того, у Вольфганга были долги, и у всех троих была еврейская бабушка (жена Луиса, автора романтических пейзажей). Ни у одного из троих не было ни малейшей predisposition к героическому сопротивлению режиму, жизни во внутренней эмиграции или к лаврам врагов народа.

Первую попытку «договориться по понятиям» сделал композитор Манфред — он провозгласил себя внебрачным ребенком, чтобы избавиться от еврейской бабушки в биографии, а в 1933-м стал членом партии национал-социалистов. Не помогло — через четыре года его исключили, и дальнейшая жизнь Манфреда Гурлитта прошла в эмиграции, умер он в Японии, в 1972-м.

О том, как «договаривался» Хильдебранд Гурлитт, уже было сказано. Но есть одно важное обстоятельство. Хильдебранд Гурлитт обследовал музеи и коллекции Европы не только на предмет конфискации вредоносного искусства. Одновременно он же был консультантом и поставщиком так называемого «музея фюрера». То был проект сугубо созидательный. Гитлер еще до войны запланировал создать в австрийском Линце музей, который превзойдет и Лувр, и Прадо. Альберт Шпеер начертил гигантоманскую беломраморную площадь с театром, кинотеатром, отелем и музейным комплексом. Гитлер даже знал уже, что будет написано на фронтоне:

«Немецкому народу», разумеется! И все годы войны эксперты фюрера не прекращали стаскивать, как белка в дупло, все больше и больше полотен. Главных же белок-экспертов было четверо, и Хильдебранд Гурлитт был одним из четырех. Личный художественный вкус Гитлера проявился в том, что в центре экспозиции его сверхграндиозного музея должна была находиться немецкая романтическая живопись XIX века. То есть как раз все те тревожные небеса и одинокие деревья, что рисовал дедушка Хильдебранда, Луис Гурлитт. А вокруг были бы Рембрандты с Караваджо. Не знаю, думал ли сам Хильдебранд о том, на какой странной спирали ему приходится встречаться со своей семейной историей — но в любом случае это объясняет то обстоятельство, что в мюнхенском подвале, кроме «дегенеративного» искусства, обнаружилось немало романтических пейзажей.

Под конец — о самой мутной части истории «мюнхенского клада» и самом странном персонаже семейной хроники: Вольфганге Гурлитте, кузене Хильдебранда и дяде Корнелиуса. Самое удивительное в нем то, что

Конрад Феликсмюллер.
«Пара в ландшафте», 1924 год

Отто Дикс. «Пожилая женщина в шляпке», без даты

Эдвард Мунк. «Лежащая полуобнаженная», 1920 год